

ПОЛИТОЛОГИЯ

УДК 329.78

АКТУАЛИЗАЦИЯ МОЛОДЕЖНОЙ ПОЛИТИКИ В АСПЕКТЕ «ПОЛИТИЧЕСКОГО»*С. Н. Чирун*

Молодежная политика исконно существует в трех взаимосвязанных и в то же время суверенных аспектах: политическом, социальном и управленческо-правовом.

Наиболее значимым в эпоху постмодернистских геополитических трансформаций онтологической сущности России – *Hartlenda*, является политический аспект молодежной политики.

В политическом аспекте молодежная политика может быть определена как деятельность политических акторов, направленная на молодежь с целью обеспечения как минимум нейтралитета, лояльности молодежи к определенным политическим и ценностным системам, политическим институтам, конкретным профессиональным политикам и политическим партиям, экономическим и в том числе транснациональным структурам и как максимум для активного стратегического вовлечения молодежи в сознательную политическую деятельность на стороне определенных политических сил, либо манипулирования сознанием молодежи с целью использования последней для достижения преимущественно тактических задач политических акторов.

Иначе говоря, молодежная политика в политическом аспекте представляет собой деятельность государства, политических партий, общественных объединений и других политических акторов, имеющую целью определенным образом воздействовать на социализацию и социальное развитие молодежи, а через это – на будущее состояние общества. Молодежная политика политических партий, общественных объединений ограничена их правовыми возможностями, но имеет важное направление развития, состоящее в том, что вырабатывается некая идеальная модель (нормативный образ) молодого человека, молодежи, которую организация стремится представить всему обществу как эталон.

А. И. Ковалева и В. А. Луков справедливо отмечают, что характеристика молодежной политики определяется системой идей, мероприятий, учреждений, кадров того или иного субъекта политической жизни в отношении молодежи, а также тем, что последние разрабатываются и реализуются, чтобы получить поддержку своей политической линии от молодежи или от определенной ее части, преследуя как сиюминутные, так и стратегические задачи политической конкуренции [10].

Дальнейшая конкретизация политического аспекта молодежной политики становится возможной через анализ категории «политическое». Аристотель видел в «политическом» высшую форму коллективного бытия людей. Он считал человека

политическим животным. Человек по природе своей есть существо политическое, а тот, кто в силу своей природы, а не вследствие случайных обстоятельств, живет вне государства, – либо недоразвитое в нравственном смысле существо, либо сверхчеловек, писал он [4, с. 378]. О государстве, «полисе», от которого происходит слово «политика», в этом же сочинении Аристотель писал: «Первичным по природе является государство по сравнению с семьей и каждым из нас; ведь необходимо, чтобы «целое предшествовало части» [4, с. 379]. И далее: «Государство существует по природе и по природе предшествует каждому человеку; поскольку последний, оказавшись в изолированном состоянии, не является существом самодовлеющим, то его отношение к государству такое же, как отношение любой части к своему целому. Политическое есть то измерение, где это размышление, действие и эффект действия имеют относительно короткий обратный цикл, соизмеримый с масштабом человеческой жизни».

Те существа, которые пребывают вне Политического (по Аристотелю это «животные» и «сверхлюди»), оперируют с циклами иного масштаба. Те, кого Аристотель с презрением относит к животным, есть люди, не способные выйти за рамки индивидуального, возвыситься над ними. Их жизненный цикл протекает в пределах микромира, система взаимоотношений с внешней средой представляет собой обрывочные и хаотичные, лишённые стратегии и последовательности моменты, не выстраивающиеся в единую систему. Другая крайность – сверхчеловек. Речь идет в данном случае о героях, аскетах, гениях, великих людях. Здесь так же, как и в Политическом, происходит преодоление индивидуального, но в несравнимо большем масштабе. В этом случае цикл взаимодействия с окружающим миром намного более долгий. Сверхчеловек мыслит о том, что фундаментально больше социума и взаимодействует с этим большим.

Во всех остальных случаях человек, выходящий за рамки индивидуальности, получает ответную реакцию общественной среды очень быстро. Так складывается динамичная и напряженная система отношений, характеризующих процесс социализации индивидуума, именно здесь и обнаруживается стихия Политического.

В XX веке Карла Шмитт стремится уйти от привычного для европейской политической теории отождествления Политического с Государством. Он пишет: «Редко можно встретить ясное определение Политического. Политическое, каким-либо образом отождествляется с государственным или, по мень-

шей мере, с Государством соотносится. Государство оказывается тогда чем-то политическим, а Политическое чем-то государственным, этот круг в определениях явно неудовлетворителен» [12, с. 37]. Шмитт предлагает рассматривать Политическое как нечто самостоятельное, как самоценную реальность, определяемую собственными критериями и первичную по отношению к таким конкретным проявлениям, как Государство, классы, системы правления, право и т. д. В качестве основополагающих критериев для определения Политического Шмитт предлагает дихотомию «друг – враг» [12, с. 41-45], которая, по его мнению, является парой терминов, описывающих Политическое наиболее общим образом. Пара «друг-враг», по Шмитту, есть основа политической идентификации, суть процесса вступления человека в область Политического.

Политологи выделяют ряд основных моментов, описывающих феномен Политического [8, с. 18]. Политическое проявляет себя через:

- 1) власть;
- 2) цель, проект общества;
- 3) иерархию, оперирование с неравенством, распределение общественных функций;
- 4) правовую систему;
- 5) коллективную идентификацию;
- 6) насилие, легитимацию насилия, защиту от насилия (коллективную безопасность);
- 7) ценностную систему.

Рассмотрим власть. В своей программной книге «Воля к власти» Фридрих Ницше (1844-1900) размышляет о власти, понимая ее онтологически, как одно из важнейших измерений, определяющих человеческое существование. Он показывает, что власть и стремление, воля к ней определяют сущность человеческого бытия. По Ницше, воля к власти является общим знаменателем и базовой мотивацией всей человеческой деятельности. Ницше понимает власть как нечто тотальное, врожденное, определяющее. Согласно Ницше, нет людей, которые не стремились бы к власти, есть люди, которые стремятся к ней плохо, мало или недостаточно эффективно. Соответственно, Ницше воспринимает власть как квинтэссенцию Политического. Власть для человека так же естественна, как наслаждение, радость или боль. Она выше морали, как выше морали само бытие. Власть совмещает в себе синтез противоположностей, она не бывает благой или злой, она бывает великой или мелкой, сильной или слабой. В духе своей теории, Ницше фактически отождествляет власть с чистым источником бытия [7]. В случае Ницше и философов, следующим за ним в таком подходе, мы имеем крайнюю форму экзальтации властного принципа. Это своего рода кратополитический максимализм, т. е. направление, признающее верховное начало в самой стихии власти, а не в ее юридическом оформлении. В сфере онтологического понимания Политического кратополитика обретает дополнительную онтологическую нагрузку. Здесь можно говорить о метафизике власти, об укорененности стихии власти в бытии. Это и есть кратополитический максимализм. Такое

отношение к власти, к ее онтологии свойственно тем политическим учениям, которые признают за сферой Политического фундаментальное значение, и проблема власти приобретает содержательный характер. Кратополитический максимализм, по сути, представляет власть как нечто сакральное, имеющее источник в самом бытии в Божественных мирах. Отношение к власти как к явлению тотальному и органичному заставляет рассмотреть его разнообразные проявления, которые не могут быть сведены лишь к прямому и юридически обоснованному отправлению властных функций. Карл Шмитт выявляет две разновидности власти – «власть прямая» и «власть косвенная» [1, с. 192]. Наличие понятийной пары «власть прямая» и «власть косвенная» вытекает напрямую из того, что властные отношения сопряжены с самой стихией жизненной динамики, которая не может быть фиксирована раз и навсегда. Формально утвержденная и общепризнанная структура «власти прямой» всегда – даже в самых тиранических режимах – имеет ряд юридических, силовых, этических, экономических или иных ограничений и нуждается в расширении своего могущества с помощью арсенала дополнительных (неформальных) средств. Вся совокупность таких средств и методов господства составляет «косвенную власть» со специфическим инструментарием. Эта власть сплошь и рядом становится в обществе инструментом сил, потенциально способных осуществлять властные функции, готовых к этому, но для которых выход к легитимной власти по тем или иным причинам затруднен, либо вообще закрыт. Косвенная власть, таким образом, может формироваться из политических элементов, чье открытое участие в политическом процессе по каким-то причинам затруднено. В определенных случаях сектор реализации «косвенной власти» может быть занят теми радикальными молодежными движениями, которые ставят своей целью свергнуть «прямую власть», тогда этот инструмент приобретает революционное значение и выступает как ядро альтернативного политического проекта.

На противоположном полюсе от кратополитического максимализма, тяготеющего к абсолютизации властного начала, располагаются политические теории кратополитического минимализма, рассматривающие власть не как изначальную стихию социального бытия человечества, но как рудиментарное проявление человека, требующее укрощения, детального правового оформления, ограничения и в конечном счете равномерного распыления по количеству индивидуумов, составляющих социальный коллектив. Кратополитический минимализм не просто делает властный принцип относительным и зависимым, ограниченным и обусловленным множеством посторонних факторов, но отрицает онтологию Политического, рассматривая его не как изначальную и безусловную сферу человеческого бытия, а как его производный, частный и второстепенный аспект. Можно сказать, что здесь мы имеем дело со стремлением минимализировать Политическое. Соответствующие политические

учения утверждают, что задача политики как раз и сводится к ограничению, сокращению функций власти, к дезонтологизации и десакрализации власти. Такие учения рассматривают значение власти в истории человеческих обществ как временное явление, обусловленное социальной неразвитостью. Возведение кратополитического минимализма в статус политической философии дает идеология анархизма [М. Штирнер (1806-1856), М. Бакунин (1814-1876), Ж. Прудон (1809-1865)]. Не менее последовательно, нежели анархизм, противостоит онтологическому пониманию власти идеология либерализма [Дж. Локк (1632-1704), Дж. С. Милль (1806-1873), Карл Поппер (1902-1993)]. Теория и практика современной демократии основана на расщеплении власти по целому ряду современных социально-политических институтов. Верховная власть разделяется на исполнительную (Президент и Правительство), законодательную (Парламент) и судебную (Верховный Суд), каждая из которых многократно ограничена как другими ветвями власти, так и дополнительными социальными институтами. Принцип дифференциации субъектов в современной государственной молодежной политике сознательно направлен на то, чтобы умалить связь властного начала с общественными процессами. Это разделение предполагает в своей основе релятивизацию власти. Либеральные теории, во многом созвучные демократическим (часто они объединены таким явлением, как либерал-демократия), ставят акцент на невмешательстве государства (т. е. власти) в хозяйственную деятельность индивидуумов, на освобождении экономики от внеэкономического контроля иных социально-политических инстанций (отсюда постоянное для либералов требование снижения налогов) и т. д. Наиболее последовательные либеральные теории утверждают необходимость постепенного исчезновения государства как такового. Либерализм делает упор не столько на народ, общество как классические демократы, но на отдельно взятом индивидууме, который рассматривается в отрыве от каких бы то ни было социокультурных связей. Доведенные до логического предела либеральные учения фактически отрицают не только Политическое, но и все направления молодежной политики, часто заменяя её экономикой. В явлении кратополитического минимализма мы сталкиваемся с тенденцией занижения фундаментальности Политического, придания ему второстепенного характера, технологического и инструментального с ним обхождения, непризнания его изначальности и причастности к глубинным истокам бытия. Здесь, в случае власти как отдельного проявления Политического, мы имеем дело с более общим явлением, представляющим собой вектор качественного умаления Политического; нечто аналогичное мы увидим и в других моментах.

Также политическое выражает себя через цель или проект. В этом телеологическом определении Политического проявляется способность человека к проектированию будущего. Здесь воля и сознание сливаются в нечто единое. Через

телеологическое измерение Политического, через политически сформулированную, объявленную и реализуемую цель человеческое общество и отдельный человек влияют на ту реальность, которая создается вокруг, определяют ее основные параметры. Без власти или вне власти как осевой линии Политического никакой цели, никакого проекта реализовать невозможно. Но сама власть как качественное измерение Политического утрачивает свое содержание, если не ставит перед собой цели, не намеревается реализовывать определенный проект. Власть становится фиктивной в том случае, если не способна выдвинуть, сформулировать и реализовать цель. Осуществление избранной модели социальной политики, усиление государства, проведение активной воспитательной работы с молодежью, бережное сохранение устоев, культурный рывок, завоевание и освоение новых территорий, охрана границ, мобилизация хозяйственных сил для технологического броска или предоставление экономике возможности свободно развиваться по ее внутренним законам – это типичные цели Политического. В философии Аристотеля есть важное понятие – «энтелехия». Дословно оно означает наличие цели в себе [3, с. 395]. По мысли Аристотеля, каждое явление, каждый процесс тяготеет к определенной изначально заданной цели, которая и дает им смысл и содержание. Это в полной мере применимо и к Политическому. Политическое наделено своей «энтелехией», дающей ему смысл и содержание. Наличие у Политического цели признается не всеми политическими учениями. Там, где в основе отношения к Политическому лежит онтология, телеология, признается и концептуально оформляется политический проект – предназначение общественного пути, ясно декларируется идеология, а социализирующие институты и агенты социализации, субъекты молодежной политики обретают четко обозначенный горизонт, достижение которого составляет для них высший смысл коллективного политического действия. Цель молодежной политики, как и социализации молодежи, может существенно различаться в зависимости от выбранной траектории развития общества, но в любом случае она играет роль смыслообразующей основы для всего социального бытия. Наряду с этим существуют политические теории, отрицающие общественную цель. Это, в первую очередь, неолиберальные концепции, отчетливо развитые в XX веке Фридрихом фон Хайеком (1899-1992) и Карлом Поппером. Согласно этим авторам, наличие у общества любого проекта чревато неоправданным насилием, стремлением подчинить отдельных индивидуумов, ориентированных на реализацию частных интересов, абстрактному вектору, из этих интересов (ни вместе, ни по отдельности) не вытекающего. Неолибералы стремятся доказать, что любой масштабный политический либо социальный проект, либо программа, доктрина (молодежной политики), автоматически ведет к ограничению или подавлению свобод индивидуумов [11]. Отсюда проистекает отрицание не только необходимости наличия в об-

тельстве особой политики по отношению к молодым гражданам, но даже правомерности использования самого понятия «молодежная политика».

Следующий аспект проявления Политического – утверждение иерархий, манипулирование с неравенством, распределение общественных функций. Неравенство людей есть социальный факт. Политическое не порождает неравенства: люди являются неравными не потому, что они вступают в сферу Политического. Политическое само по себе не навязывает им структуру неравенства, оно лишь тем или иным образом оперирует с ней как с данностью, организуя ее в соответствии со своими предпочтениями. Неравенство может быть оценено в сфере Политического разными способами. Некоторые политические системы признают неравенство, как оно есть, и стремятся лишь зафиксировать его политически. Другие предлагают систематизировать и реорганизовать его. Третьи хотят искоренить его.

Политическое выражается и через правовую систему. Право при тотальном понимании Политического является функцией от Политического. Политическое порождает и учреждает право. Система правовых норм и правовых отношений в обществе никогда не возникает непосредственно из правового института. Вначале к власти приходит та или иная группа людей, с тем или иным представлением о Политическом, сформулированным на основании какого-то мифа, с определенной волей к реализации этого мифа в конкретном проекте, и лишь на основании этого впоследствии формируется правовая система. Правовая система порождается Политическим. Она может существовать и длиться дольше, нежели конкретный политический режим. Власть решает неправую ситуацию через прямое и непосредственное обращение к стихии Политического. Карл Шмитт показал, что в истории любого государства, любой политической системы возникает момент, когда властелин, правитель, президент, либо некий коллективный орган попадают в ситуацию, где правовые институты не могут помочь в принятии судьбоносного решения, так как не предвидят и не описывают ее [2, с. 42]. Это так называемая «чрезвычайная ситуация». В «чрезвычайной ситуации» не просто проверяются личностные качества руководителя или состоятельность власти, но обнаруживается внутренняя природа Политического. Политик основывает решение, принятое в исключительной ситуации, на глубинных началах – тех, что составляют ткань традиции, квинтэссенцию его политической воли, осмысление конечной цели всего сообщества. В этом чистом проявлении Политического и берет начало конкретная правовая система, подтверждаемая или ниспровергаемая фактом решения и его непосредственными последствиями. Правовые нормы и возникали позже как развитие и закрепление политических решений, оформляя в систему законов и нормативных актов те фундаментальные положения, которые имплицитно присутствовали в моменте решения. Именно поэтому мы подчеркиваем приоритет политического аспекта

молодежной политики в сравнении с управленческо-правовым аспектом последней. Вторичность правовой системы, в сравнении с сущностью Политического, не отменяет значения права как такового. Напротив, законодательная база призвана зафиксировать основные характеристики Молодежной политики.

Здесь, как и во всех вышеперечисленных выражениях Политического, может присутствовать и нигилистическая тенденция. В данном случае она выступает как «номократия» (термин введен К. Шмиттом). Номократия предполагает деполитизировать Политическое в правовой области, подчинить праву все иные его формы. Продукт фиксации жизненной стихии Политического в нормативной системе ставится выше самой этой стихии. Таким образом, исключительная ситуация (Ernstfall) и связанное с ней решение (Entscheidung) переходят в разряд досадного исторического недоразумения, катастрофического разрыва правовой юридической непрерывности. Номократия – диктатура закона, характерна для либерального политического мышления.

Следующее проявление Политического выражается в коллективной идентификации. Коллективная идентификация представляет собой основанное на традиции и воле утверждение единства общественного организма с рядом присущих только ему характерных черт. Когда человек вступает в Политическое, он учится осознавать себя через коллективную идентификацию. В Политическом человек расширяет границы своего индивидуального Я до рамок Я группового, возрастного, общественного. В Политическом молодой человек получает самую обобщающую идентификацию, включающую в себя все остальные уровни. На этом уровне правомочна дихотомическая модель молодежных ин – аутист групп, врага-друга, вскрытая Шмиттом. Коллективная идентификация постулирует границы коллективного целого, которые придают ему определенность и конкретные формы. За этой границей начинается сфера «иного». «Иное» на практике постулируется как враждебное, чуждое, чужое, не свое. А то, что оказывается внутри границ своей группы, то, напротив, видится как родное. Позитивная сторона коллективной идентификации молодежи воплощается, таким образом, в дружбе и братстве. Негативная сторона – в отчуждении и вражде. «Кто не с нами – тот против нас». Такое понимание Политического связано с конфликтологическим подходом. По Шмитту, именно эта форма жесткой дихотомной поляризации, имплицитной для самого процесса коллективной идентификации, и является сущностью Политического. Такому подходу противостоят индивидуалистские философские учения (Т. Гоббс, Дж. Локк, Дж. Милль, К. Поппер). До логического же конца отказ от признания всех форм коллективной идентичности довел М. Штирнер, который выдвинул теорию абсолютного индивидуализма – учение о «единственном» [13].

Осуществление насилия, легитимация насилия и защита от насилия (то есть коллективная

безопасность) – еще одно проявление Политического. Когда молодой человек вступает в сферу Политического, он осуществляет ревизию стихии насилия – принимает отдельные ее стороны, другие выносит за скобки, обуславливает случаи его применения, устанавливает меру и формы ответственности за него. Обращаясь внутрь общества, Политическое также структурирует насилие. С одной стороны, оно устанавливает рамки приемлемого насилия, а к тому, что выходит за них, само применяет насилие. Это составляет суть репрессивной системы. В разных системах социализации и молодежной политики существуют свои модели того, как следует законно применять насилие к своим членам, более или менее подробно описано, какое действие влечет за собой тот или иной проступок. Каждая социализирующая система имеет свою модель легитимации насилия. Либеральные институты социализации стараются прибегать не к прямому насилию над личностью молодого социализируемого, но к косвенному воздействию с помощью экономических рычагов, что порождает особую форму – экономическое насилие.

Помимо прочего, Политическое утверждает, сохраняет, изменяет ценностные системы общества. Ценностные системы приходят в политическую сферу из других областей. Но никогда ценностная система – интеллектуальная деятельность, ритуалы, образцы, модели поведения и т. д. – не завоевывает признания в группе, минуя Политическое. Ценностная система должна быть либо принята, либо отвергнута, либо изменена в инстанции Политического. Не существует культурных и субкультурных систем, которые могли бы продолжительное время игнорировать сферу Политического. Определив Политическое и описав его проявления, попробуем определить политику в ее современном понимании. Карл Шмит указывал, что такое определение является очень редким и, как правило, дается через обращение к частным реальностям – к Государству, праву, формам правления и т. д. Это не случайно, так как сущность политики (в ее современном понимании), с одной стороны, восходит к Политическому, но, с другой стороны, будучи продуктом модернизации и десакрализации Политического, ускользает от автономного определения, так как, продолжая оперировать с основными компонентами Политического, стремится лишить их собственного бытия, сущности. Более того, политика как аналог Политического в Новое время полностью отражает парадигмальную антитезу: традиционное общество – современное общество, являясь в определенном смысле сосредоточением практического воплощения в истории самой этой антитезы.

Современное понятие «политика», в отличие от традиционного Политического, предполагает существенную дифференциацию значений, когда речь идет о специфическом или же неспецифическом употреблении слова «политика» [9, с. 20–40]. В первом случае политика неразрывно связана с понятием «государство», «полис». И может означать управление государством, борьбу за власть в госу-

дарстве, внутреннюю и внешнюю политику, осуществляемую государством и т. д. Во втором случае исследователями отмечается три возможных варианта неспецифического употребления понятия политика:

- политика как синоним слова «управление» (каким-либо объектом): семейная политика, жилищная политика, социальная политика, молодежная политика и т. д.;
- политика как стратегия, избранная для достижения определенных целей;
- политика как ценностное суждение (речь идет о субъективной оценке населением ситуации в определенной сфере, которая зачастую выражается в бинарной оппозиционности, по принципу плохая – хорошая).

Смысл современной политики состоит в том, чтобы дезонтологизировать Политическое, лишить его автономного бытия. Политическое, описанное в общих чертах выше, соответствует традиционному обществу, сопряжено с холистской онтологией. Возникает новая «виртуальная онтология», «медийная онтология», которая начинает выполнять функции Политического. Постполитика соответствует эпохе постмодерна, которая еще не наступила окончательно, но которая наступает на наших глазах (базовые определения этого понятия даны в трудах В. Вельша [4] и Э. Гидденса [6]). Поэтому постполитика – это теоретическая конструкция, выстроенная логически, но получающая все больше подтверждений в окружающей нас действительности по мере продвижения процессов глобализации, построения Нового Мирового Порядка, создания однополярного мира.

Так, чтобы понять логику молодых участников оранжевых революций, необходимо ознакомиться с работой Джина Шарпа «От Диктатуры к демократии». Это своеобразный катехизис: описание, что должны делать молодые люди на пороге предвыборной ситуации. Там очень много интересных вещей: молодежь учат стоять там, где не положено, сидеть где не положено, отвечать на призыв расходиться тем, что не расходиться, саботировать требования властей, оказывать разные формы ненасильственного сопротивления и вплоть до мятежей, карнавальных революций, изготовления фальшивых денег, изменения названий улиц – сто пятьдесят девять «полезных» советов.

Эта социальная технология предлагает отнестись к политике как к игре. К революции или к выборам – как к некому веселому занимательному мероприятию, как к флэш-мобу, как к дискотеке. И, более того, – идея совместить неинтересный для молодого человека избирательный участок, например, с кислотной дискотекой, это одна из рекомендаций, которую дает Шарп. Следовательно, молодежная политика в ее современном значении представляет собой процесс, развертывающийся от Политического к постполитике. Все политические силы сейчас активно провозглашают молодежную политику. Но молодежная политика – это не просто политика, которую делает молодежь. Молодежная

политика – это не просто старая политика, переданная молодежи. Это другая политика. Молодежная политика в рамках ювенальной антропологии представляет собой самостоятельное, самостоятельное явление, которое отражает стихию буйства молодого человека, *homo iuvenalis*, как образца, как парадигмы, такая политика, молодежная политика, она должны быть игровой, должна быть основана на вовлечении в себя, она должна быть принципиально обратима, то есть сегодня играем в это, потом – раз, играем в другое, она должна быть крайне поверхностной и не ведущей к каким-то серьезным результатам. Она должна быть незрелой, ставить незрелые задачи и играть по незрелым правилам. В каком-то смысле эта политика, особенно если смотреть на нее с позиций постполитики, остается в определенной мере Политическим, хотя и ориентирована на то, чтобы дезонтологизировать его. Однако это процесс далеко не простой и не одномерный: в политике Политическое сохраняется и на определенных этапах и в определенных секторах не просто пассивно сопротивляется дезонтологизации, но и реализует собственные стратегии по реонтологизации и ресакрализации политики. В этих случаях мы имеем дело с трансформациями, противоположными процессу модернизации.

В противоположность мондиалистской модели постполитики С. Хантингтон локализует либеральную парадигму как свойство западной цивилизации, включающей США и страны Западной Европы, указывая на то, что остальные культурные пространства населены массами, сохранившими (в той или иной степени) связь с нормами традиционного общества, где факторы религии, обрядовости, этнических преданий продолжают играть важнейшую роль в системе традиционной социализации и молодежной политике, поскольку здесь дробления на атомарных индивидуумов еще не произошло. Следует заметить, что все выделенные Хантингтоном цивилизации, за вычетом западной, представляют собой подавляющее большинство человечества и, соответственно, вместо идиллической картины, либеральный лагерь оказывается перед довольно тяжелой перспективой новой волны идеологической колонизации, направленной уже не против формального противника в виде альтернативной конкурентной идеологии, а против политического бессознательного разных цивилизаций. Решить задачу упразднения этого бессознательного в едином порядке со стороны Запада С. Хантингтону представляется маловероятным, и он возлагает надежды на новые волны конфликта цивилизаций между собой, что должно их ослабить, измотать и, в конце концов, добровольно согласиться на западную модель, которая должна выступить в нужное время как нечто само собой разумеющееся, притягательное и неизбежное. Концепция С. Хантингтона не ставит под сомнение конечную цель либеральной глобализации, он убежден, что к этому следует идти поэтапно, и нынешнее положение дел еще очень далеко до финальной и окончательной победы.

Политический аспект молодежной политики, наряду с аспектом социальным, является древнейшим выражением феномена молодежной политики. Молодежная политика в своем политическом аспекте существовала всегда. Изначально в традиционном обществе она обеспечивала необходимые и достаточные условия для интеграции молодежи в социальную и политическую системы, адаптации молодежи к ценностям и целям конкретного исторического общества с последующей их интериоризацией.

Однако молодежная политика в политическом аспекте сопровождается не только социализацией и связанными с ней процессами, но также и обратными интериоризации процессами экстериоризации, получившими выражение в феномене ювенизации общества и его политической системы особенно распространенном в условиях префигуративной культуры современного постмодерна. Молодежь, в условиях глобализирующегося постиндустриального общества, всё меньше изъявляет желания довольствоваться позицией объекта или пассивного статиста молодежной политики государства и политических партий и всё более активно заявляет о претензиях на свою политическую субъектность.

Литература

1. Schmitt, C. La Notion de politique. – P., 1972. – P. 192.
2. Schmitt, C. Politische Theologie. – Munchen, 1989. – P. 42.
3. Аристотель. Сочинения. – М., 1975. – Т. 1. – С. 395.
4. Аристотель. Сочинения. – М., 1984. – Т. 4. – С. 378, 379.
5. Вельш, В. «Постмодерн». Генеалогия и значение одного спорного понятия / В. Вельш // Путь. Международный философский журнал. – М., 1992. – № 1.
6. Гидденс, Э. Э. Постмодерн / Э. Э. Гидденс // Философия истории. – М., 1995.
7. Дугин, А. Г. Ницше Ф. Воля к власти / А. Г. Дугин. – М.: Артогея, 1994.
8. Дугин, А. Д. Трансформация политических структур и институтов в процессе модернизации традиционных обществ: дис. ... д-ра полит. наук. – Ростов-на-Дону, 2004. – С. 18.
9. Желтов, В. В. Современная западная политология / В. В. Желтов. – Кемерово, 1993. – С. 20-40.
10. Ковалева, А. И. Социология молодежи: теоретические вопросы / А. И. Ковалева, В. А. Луков. – М: Социум, 1999. – С. 302.
11. Поппер, К. Открытое общество и его враги / К. Поппер. – М., 1992. – Т. 1-2.
12. Шмитт, К. Понятие политического / К. Шмитт // Вопросы социологии. – 1992. – Т. 1. – № 1. – С. 37.
13. Штирнер, М. Единственный и его собственность / М. Штирнер. – Харьков, 1994.